

СВЕТЛЯЧОК

14.03.2014

№ 3 (36) Март 2014 года

- «Там, где была она, был Рай».

Марк Твен «Дневник Адама»

Пётр Бобунов

Без всяких затей и навыков,
Без бриллиантов и роз,
Он на ладони яблоко
Просто ей преподнёс.
И никуда не деться,
И ничего нет, кроме,
Бьющегося в такт сердцу
Яблока на ладони.

Владимир Юринов

Снова я, осенённый тобой,
по осенним палитрам бреда.
Словно титры – скупой чередой –
я читаю тебя на ходу.
Как молитву в кинжальной ночи,
как легенду, читаю тебя,
но безжалостно чётко стучит
мой хронометр, часы теребя.
Благодарен во всём и за всё:
за тепло, за спокойный отказ.
Я – обычный осенний листок,
от которого ветвь отеклась.
Мне брести по спирали крутой,
упираясь ступнями в листву,
но всё то, что с собою несу,
выверяю отныне тобой.

Юрий Смирнов

Любовь не многословна. Все слова –
Пустое повторение друг друга.
Но почему же кругом голова?
И почему - не вырваться из круга?
Я обживаю вечный неуют
Времянок, общежитий, коммуналок.
Я знаю - дом есть, знаю - ждут.
И знаю: в этом я смешон и жалок.
Всё в мире держит хитрый кукловод
На тоненьких колеблющихся нитях
В своих руках, и дней круговорот
Их обрывает, пугая события.
Но наша связь не тоненькая нить –
Она прочна, как стропы парашюта.
Что может нас прочней соединить?
При чем здесь быт? До быта ль и уют!
Любовь не многословна. Все слова –
Пустое повторение друг друга.

Но как я рад, что кругом голова!
И как я рад – не вырваться из круга!

Валерий Линкевич

Ты пришла мне в письме родниковой воды
Или ветра лесного кусочек,
Треволнения разлук, ожиданье беды...
Обо всем напиши между строчек!

Напиши о веселых и праздничных днях,
О смешном или даже серьезном,
Расскажи о своих самых лучших друзьях,
О возможном и о невозможном.

Ты пиши мне о криках пролетных гусей
Да о мыслях своих непослушных.
Чтобы я прочитал: у тебя все «о-кей»!
Ну, а большего мне и не нужно.

Игорь Столяров

«...Но что ей до меня - она была в Париже,
Ей сам Марсель Марсо чего-то говорил»

В.Высоцкий

...Идет-спешит чудак, подумав: «Что я, рыжий?!».
Один из тех бедняг, что ждут ее любви.
А ей не до него – она опять в Париже,
Грустя с Софи Марсо, вздыхает: «C'est la vie!».
Весенний белый свет гардиной занавешен,
Но в иллюзорный мир распахнуто окно,
Чтоб, разгоня сон глотками жанра экшен,
Ей подливал Бессон игристое кино.
А утром новый мим ей путь пересекает
И, подойдя, молчит и мается опять.
Ну, где найти слова, когда она ТАКАЯ!
Тут и Марсель Марсо не знал бы, что сказать...

Александр Мальчуков

СЧАСТЬЕ - ЭТО ТЫ

Вновь весну украсили яркий майский день,
Белая черёмуха, белая сирень.
На свиданье каждое я тебе несу
Как в любви признание майскую красу.
Ищешь суеверная пятерки-цветы,
И без них, уверен я: счастье – это ты!
Счастье, взявшись за руки, – припустить бегом,
На закате яростном помечтать вдвоём,
Слушать в звёздном шёпоте звуки райских труб,
Упиваться сладостным ароматом губ.
Робкие касания будоражат кровь,
Нас шальными делает первая любовь.
Отцветёт черёмуха, отцветёт сирень,
Дымкою затянется этот майский день.
В памяти останутся, годы не сотрут,
Аромат черёмухи с ароматом губ.

Ольга Пархомей

Откуда берутся дети

Сказка

Как-то раз Наташа спросила маму: «Мама, если я родилась не из твоего животика, то как же ты узнала, что я твоя дочь?».

Этот вопрос интересовал ее давно. Она уже знала, что обычно маленькие детки растут у своих мам в животиках, и что когда они появляются на свет, все вокруг очень радуются, папа дарит маме цветы, а мама кормит ребеночка своим молочком. Но про себя Наташа помнила совсем другое. Она помнила, как жила в домике, где у нее не было мамы, а только воспитатели и нянечки, и где кроме нее было еще много других ребятнишек, и каждый ждал свою маму. Многие из них уехали домой еще раньше Наташи, но все-таки почему та тетя, из чьего животика появилась Наташа, не захотела стать ее мамой? Этого она понять никак не могла и поэтому как-то перед сном, когда мама уже взяла книжку, чтобы почитать ей, задала так долго мучавший её вопрос.

Мама внимательно посмотрела на свою любимую доченьку, потом отложила в сторону книжку и под села поближе. «Ну что ж, солнышко, - сказала она, - раз такие вопросы уже появляются в твоей голове, значит пришло время рассказать тебе одну интересную сказку. Это история о девочке Катеньке, которая, как и ты, долго ждала свою маму. Я давно хотела рассказать ее тебе. Просто ждала, когда ты подрастешь. А ты уже и выросла». Тут мама улыбнулась, и продолжила: «Детки всегда вырастают немножко раньше, чем их родители могут к этому привыкнуть». Она усадила Наташу на колени, крепко-крепко обняла ее и стала рассказывать:

«В то время, когда Катенька еще не попала домой, к маме и папе, у нее был свой, особенный мир. Она жила очень далеко от Земли. Летала между звездами, любовалась Млечным Путем и гоняла наперегонки с кометами и метеорами, пролетающими мимо. Иногда болтала с ними и сопровождала до ближайшей планеты или звезды. Хотя звезд она немного опасалась, особенно больших – ведь они такие горячие, и если их случайно задеть, плюются вслед жгучими протуберанцами.

Однажды Катенька играла в догонялки с одной особенно хвостатой кометой. Наигравшись, она хотела было попрощаться, тем более что улетела довольно далеко от знакомых мест, но комета была так разговорчива, знала так много интересного, что Катенька никак не могла с ней расстаться. Одна история ее особенно заинтересовала. Это была история про планету Земля. «Земля - самая удивительная планета из всех, мимо которых я когда-либо пролетала», - рассказывала комета.

– Представляешь, на ней есть сразу и моря и горы, ледники и пустыни, леса и степи! Тысячи тысяч разных существ населяют ее, живут в воде и на суше, ползают под землей и летают в небе. Ну а самые интересные существа, это люди. Они умеют жить и в пустынях, и в горах, могут перемещаться и по воде, и по воздуху, прокладывают подземные туннели и дороги в самых непроходимых местах. Но самое удивительное в них то, что люди умеют очень сильно любить. Любовь – для них самое важное чувство, без неё они становятся грустными, потерянными и даже умирают.

– Как интересно! – воскликнула Катенька. – А можно ли туда попасть, на эту Землю, к людям? Ведь если просто пролететь мимо, то будет трудно разглядеть все подробно! А мне ужасно захотелось узнать – каково это – уметь любить так сильно!

– Способ есть, – ответила комета. – Нужно попросить Бога – творца всей Вселенной, и он превратит тебя в душу маленького ребенка, который только должен появиться у своих родителей. Ведь то тело, которое у тебя сейчас, слишком большое и горячее. Но ты должна знать, что став взрослой, ты забудешь все, что знала и видела раньше.

(продолжение на стр. 3).

(начало на стр. 2).

– А потом? – спросила Катенька.

– А потом, прожив целую человеческую жизнь и научившись любить, ты опять вернешься в мир звезд, и вспомнишь все, что знаешь сейчас.

Катенька задумалась, а потом громко произнесла, обращаясь к тому, кто слышит и видит все, что происходит во Вселенной: «Прошу тебя, сделай меня человеком! Больше всего на свете я мечтаю узнать о том, что же такое любовь, и почему, когда ее нет, людям бывает так плохо, что они грустят и даже умирают». Только она это промолвила, как почувствовала, что ей стало горячо-горячо, ее тело сжалось в маленький комочек и понеслось куда-то так быстро, что звезды пронеслись мимо как метеоры. «Ах, я даже не попрощалась с кометой!» - успела подумать она перед тем, как все исчезло.

Когда Катенька пришла в себя, она лежала, свернувшись калачиком, а вокруг было темно и тепло. Катенька пошевелила ножкой и захотела вытянуть ее, но ножка уперлась во что-то упругое. Тогда она попыталась разогнуться, но голова ее опять уперлась в теплую упругую поверхность. «Хоть здесь и тепло, и уютно, но слишком тесно! Надо как-то отсюда выбираться!» - подумала Катенька и стала ворочаться. Сначала ей стало попросторнее, и она обрадовалась, но потом все вокруг заколыхалось, стенки, окружавшие ее, стали сжиматься, и как будто выталкивать ее куда-то. Катеньке стало страшно, она попыталась ухватиться за что-нибудь, но у нее ничего не получалось. В какой-то момент Катеньке стало так тесно, что она совсем не могла пошевелиться и от обиды зажмурила глазки и заплакала. Но ее плач раздался неожиданно громко, а вокруг стало очень прохладно. Она открыла глаза, чтобы узнать, что случилось, и увидела огромную светлую комнату, свет был такой яркий, что даже глазам стало больно. И Катенька заплакала еще громче, теперь уже от испуга. Но тут ее укутали во что-то очень мягкое, теплое и приятное на ощупь, и засунули в рот какую-то штуку, Катенька посильнее сжала её губами, и в ротик потекло сладкое и очень вкусное молоко. Она закрыла глазки, засопела, ей стало очень хорошо, и, забыв все невзгоды, она так и уснула.

Проснулась Катенька от того, что ей было мокро и неудобно. Она огляделась и увидела, что лежит одна в маленькой кроватке, а рядом, в таких же кроватках лежат другие маленькие детки. «Почему рядом нет мамы? Ведь рядом с каждым ребеночком всегда должна быть мама!» - подумала Катенька, - «Надо ее позвать!» И Катя стала громко звать маму. «Уаааа! Уааааа!» - получалось у нее. Некоторые детки вокруг тоже стали звать своих мам. На шум прибежала какая-то тетя в белом халате и смешной шапочке. Это была совсем не мама, но в руке у нее был поднос с маленькими бутылочками. Она раздала бутылочки плачущим деткам, и в них оказалось то самое теплое, вкусное молочко, которое так Катеньке понравилось. Поэтому она перестала плакать, а стала пить и сладко причмокивать. Но, выпив, она вспомнила, что ей все так же мокро и неудобно. «Уааа! Уааа!» - закричала она опять, думая, что даже если мама где-то и задержалась, то теперь-то уж точно должна вернуться. Но мамы не было. Иногда начинали плакать другие детки, но к ним тоже никто не приходил. Катенька очень расстроилась. «Может, мама это и есть любовь?» - подумала она, - «Потому что без нее мне очень плохо, и я даже чувствую, что могу умереть». В этот момент на бортик её кроватки опустилась маленькая чудесная девочка, с яркими сияющими крылышками. Катенька затаила дыхание от восторга, а девочка сложила крылышки и сказала:

– Привет, Катенька! Не переживай! Твоя настоящая мама уже ищет тебя. А я твой маленький ангел, и буду рядом до тех пор, пока она тебя не найдет!

– Как это, НАСТОЯЩАЯ? – хотела спросить Катенька, но вслух смогла лишь сказать: – Аааа, уаааа, уаааа! – и от расстройства опять хотела заплакать.

Но девочка-ангелочек улыбнулась и сказала:

– Не расстраивайся, я слышу все, что ты хочешь сказать. Так случается иногда на Земле, что дитя рождается не у той женщины, у которой было предназначено. И та не может полюбить своего ребенка, оставляет его в детском доме, и её уже не называют мамой. А настоящая мама вдруг начинает чувствовать, как сильно бьется ее сердце при взгляде на чужих детей, она прислушивается к своим ощущениям, и понимает, что ее ребеночек уже где-то родился, и начинает искать его. Иногда на это уходят годы, но любовь ведёт её, и она находит свое дитя. Это нелегкое испытание, но в этом поиске души родителей становятся чище и светлее, а любовь, на которую они способны – сильнее и ярче.

(начало на стр. 4).

(начало на стр. 2-3).

Дни бежали за днями и были похожи один на другой. Катенька лежала в кроватке, несколько раз в день приходила няня в белом халате и поила всех вкусным молоком. Над кроваткой висели красивые игрушки, иногда няня делала так, что они кружились и звучала красивая мелодия. Тогда Катенька удивленно разглядывала их и пыталась поймать игрушки ладошкой. Вскоре она научилась садиться, а потом и вставать, держась за перила кроватки. Ей очень хотелось туда, на пол, где был постелен яркий ковер с вышитыми цветами и стояли шкафы с игрушками. Но Катенька уже умела ждать. Ведь ей все время приходилось ждать: когда придет няня, покормить их, когда придет воспитатель и будет петь им песенки или возьмет гулять, когда прилетит ангелочек и расскажет ей очередную историю из жизни людей... Но все таки больше всего она ждала не этого. Каждый день она ждала, что вот-вот откроется дверь и зайдет та, которая полюбит ее больше всех на свете. Её МАМА.

Когда Катенька подросла, их с детками стали брать на экскурсии. Она с удивлением смотрела на огромные дома, на широкие дороги, по которым проносилось множество машин, на постоянно торопящихся куда-то людей, с удовольствием каталась на аттракционах и разглядывала зверей в зоопарке... Она сравнивала все это с той жизнью, которая была у нее раньше и вздыхала: «Да, все-таки Земля – это удивительная планета, а люди – самые странные существа во Вселенной».

Но иногда ей становилось очень грустно, особенно когда кто-то из ее новых друзей уезжал домой, к настоящим маме и папе. Нет, она, конечно, радовалась за них, но вера в то, что ее собственная мама найдет ее, становилась все слабее и слабее. А что, наверное, и такое случается: искала-искала, и не нашла. Или нашла другую доченьку и забрала ее домой. А Катенька так и останется на всю жизнь в этом маленьком домике. От этих мыслей хотелось плакать, и каждый раз, когда открывалась дверь в их группу, оглядывалась в надежде на то, что это за ней. Её МАМА!

Ах, чтобы Катенька делала без своей подружки-ангелочка. Та прилетала не каждый день, но все-таки достаточно часто, и Катенька не успевала сильно заскучать или загрустить. Ангелочек пела ей песенки, рассказывала смешные истории, а иногда передавала приветы от знакомых комет. Обычно она прилетала перед сном, и тогда никто не мешал им тихонько шептаться под одеялом. В эти ночи Катеньке снились особенно яркие сны. Чаще всего она видела свою прошлую жизнь. И когда Катенька просыпалась, ее долго не покидало ощущение свободы, которой ей так не хватало в домике, где она жила. Но Катенька не жалела об этом – ведь она знала, что пришла на эту Землю сама, для того, чтобы узнать, что такое любовь. А разве может быть любовь сильнее, чем у мамы, которая долго искала своего ребенка, и у ребенка, который так долго ждал свою маму!

А как Катеньке нравилось мечтать!!! Это было еще одно удивительное свойство, до этого незнакомое ей. Раньше она просто радовалась тому, что происходило в каждый момент времени, и не заглядывала вперед. Но оказалось, что тому, кто умеет мечтать, подвластно будущее. Катенька закрывала глаза и видела, как они с мамой идут за руки по большому городу, как мама купает ее перед сном, и как папа подкидывает ее к потолку, а она громко и заливисто хохочет, видела, как родители встречают ее после школы, и они вместе едут куда-то на большой машине. Единственно, чего ей никак не удавалось, это разглядеть их лица. Но была уверена, что маму и папу узнает сразу, как только увидит.

Однажды в группу заглянула хмурая нянечка, и громко сказала: «Фролову просили к заведующей отвести». Катенька уже знала, что у людей принято называть друг друга не только по именам, но и по фамилиям. И что Фролова – это как раз её фамилия. А заведующая – это Нина Петровна, которая отвечает за все, что происходит в их домике. И несмотря на то, что к этой самой заведующей ее водили не в первый раз – иногда перед тем, как ехать в больницу на медобследование, а однажды перед переводом в другую группу, на этот раз Катенькино сердце забило так быстро и сильно, что чуть не выпрыгнуло из груди. Катеньке надели красивое платье с розовым бантом на поясе, а на голове сделали два хвостика из ее коротеньких волос. И повели к заведующей.

Зайдя в кабинет, ее воспитательница сказала: «Фролова тут, Нина Петровна», – и вышла. Катенька подняла глаза и увидела Нину Петровну, сидящую за столом, мужчину, стоящего у окна, и молоденькую женщину, на диванчике у стены. Они рассматривали Катеньку, а Нина Петровна сказала: «Ну что ж ты, Фролова, заходи. Расскажи, как у тебя дела». Катенька посмотрела на них еще раз и неожиданно для себя заплакала. Совсем не так представляла она встречу с мамой и папой. А в том, что это они, у нее не было никаких сомнений. Ей казалось, что они сразу узнают ее, так же,

(продолжение на стр. 5).

(начало на стр. 2-4).

как и она их. Кинутся ей навстречу, будут обнимать, целовать и плакать от счастья, и сразу заберут ДОМОЙ. А вместо этого они внимательно рассматривали ее, как будто сомневались в том, что это та, которую они так давно искали. Катенька заплакала еще горше. Нина Петровна удивленно сказала: «Ты чего, Катя?» А потом обращаясь к родителям: «Даже не знаю, что это с ней. Обычно она у нас спокойная». Но тут молоденькая женщина вскочила с диванчика, выхватила из своей сумочки платочки и подбежала к Катеньке. Она обняла ее за плечи и стала заботливо вытирать слезы, приговаривая: «Ну, ты чего, моя хорошая! Не расстраивайся, все теперь будет просто замечательно, ведь мы с папой наконец-то нашли тебя!» Нина Петровна хотела что-то сказать, но женщина повернулась и уверенно заявила: «Мы все поняли, но именно это и есть наша дочь». В это время мужчина, до этого молча стоявший у окна, тоже как-то странно посмотрел на Нину Петровну, потом подошел к Катеньке, присел на корточки и сказал: «Ну, давай знакомиться! Я твой папа, и мы приехали за тобой». Конечно, Катенька не сразу поехала домой – ведь во взрослом мире все время нужно оформлять какие-то документы, как объяснила ей мама чуть позже, когда они сидели в музыкальном зале и разговаривали, и это занимает немало времени. Но пока эти самые документы оформлялись, мама и папа приходили к ней почти каждый день, гуляли по территории вокруг домика, слушали музыку, приносили какие-то совершенно необыкновенные вкусности и сладости. Каждый раз Катенька заранее чувствовала время их прихода. Ее сердце сначала сладко замирало, а потом начинало биться сильно-сильно. А когда мама и папа заходили за ней в группу, на глаза у Катеньки наворачивались слезы от непонятого щемящего чувства, охватывающего её душу. Когда такое случилось в первый раз, Катенька была в растерянности, но ангелочек вечером рассказала ей, что эти чувства называются «Счастье» и «Любовь», и ими теперь наполнено её сердце. И что бывает, люди плачут не только от горя и обиды, но и от слишком сильных «Счастья» и «Любви».

А в следующий раз ангелочек грустно улыбнулась и сказала: «Катенька! Сегодня я прилетела попрощаться с тобой. Ведь теперь твоя жизнь станет совсем другой, и я больше не нужна тебе. Потому что с того момента, как ты окажешься дома, ангелом, хранящим тебя и помогающим на пути, станет твоя мама». Катенька хотела заплакать, но вдруг с удивлением поняла, что ей вовсе не грустно. Она ласково обняла ангелочка и сказала: «Спасибо тебе, что ты была со мной столько времени. Теперь я на самом деле думаю лишь о маме, папе и своей новой жизни. А тебе нужно лететь помогать тому, кто еще только ждет своих родителей».

Этой ночью Катеньке приснился удивительный сон. Как будто она летала среди звезд, любовалась Млечным Путем и гоняла наперегонки с кометами и метеорами, пролетающими мимо, и еще как-будто она разговаривала с чудесной девочкой, у которой были яркие крылышки совершенно невообразимого цвета, и та пела ей песенки и смеялась звонким, залиvistым голосом. Проснувшись, Катенька долго не хотела открывать глаза, но потом вспомнила, что сегодня за ней должны приехать мама и папа и забрать её ДОМОЙ! Она радостно подскочила с постели и побежала собирать в сумочку все свои сокровища. После обеда ей принесли новое платье, колготки и необыкновенные туфельки, на маленьком каблучке, как у самой настоящей принцессы. Воспитательница обняла ее на прощанье, а у деток, остающихся в группе, были очень грустные глаза, несмотря на то, что они радовались за нее. Конечно, ведь они только ждали своих родителей. «Они обязательно найдут вас! – громко сказала Катя, - Надо только никогда не переставать в это верить! Ведь их ведет не только любовь, но и сила вашего ожидания. Теперь я точно это знаю!»

И все было точно так, как в ее мечтах. Они ходили с мамой за руку по большому городу. Мама купала ее перед сном в большой розовой ванной, наполненной пушистой белой пеной, папа подкидывал ее до самого потолка, и она громко и залиvistо смеялась. Только в школу Катенька пока не ходила, потому что до школы ей оставалось еще два года».

Вот так мама закончила свою сказку. Наташа боялась пошелохнуться. Ей почему-то показалось, что она тоже когда-то видела всё это – звезды, мелькающие мимо, ярко пылающие быстрые метеоры и маленькую девочку с сияющими крылышками. Она все крепче прижималась к маме и чувствовала, как бьется её собственное сердце – быстро и сильно, как будто вот-вот выпрыгнет из груди.

– Я поняла, мамочка, – наконец прошептала она. – Я пришла к тебе от самих звезд. И неважно, из какого животика я появилась на этой Земле. Главное, что вы с папой все-таки нашли меня.

• Для милых дам
Михаил Никоноров

«ТАТЬЯНИН ДЕНЬ»

-1-

Лишь глаза продравши встану,
И тот час же в голове
Твой прелестный образ, Таня,
Что пленил меня навек.

Да и в полдень, дорогая,
Так страдаю без тебя,
Что готов скулить и лаять:
Но имей в виду – любя.

Полюби меня, Танюша,
Хоть однажды мне поверь,
Хоть разок меня послушай.
Пни ногою в счастье дверь!

-2-

Оделись в звёзды небеса,
и оборвалась света нить.
Дневные смолкли голоса.
Уж вечер. Надо водку пить.

Кокетливо блестит луна,
в убогий мой вторгаясь быт.
Душа желанием полна
тебя, Татьяна, полюбить.

Но я несчастлив в чувстве этом,
и утешение в одном:
как многим до меня поэтам,
страсть заливать свою вином.

И матерясь луне вдогонку
(в кругу inferно все миры),
брезгливо пью я самогонку:
ибо сельмаг, и тот закрыт.

-3-

Для тебя уже и не тайна,
что в лирическом я бреду.
Ты желала признаний, Таня, –
я люблю девчонку одну.

Всей она мне дороже вселенной,
с нею связаны все мечты.
И – скажу тебе откровенно:
та девчонка и есть ты.

Путь извилист. Тернист. Безрадостен.
Осветительных нет столбов.
Но взрывает круги inferнальности
вспышкой молнии мне любовь.

Незавидного свойства случайности
Так нередки в моей судьбе:

замечаю с холодным отчаяньем,
что совсем не нужен тебе.

Но и в очень печальный час я
(если будешь другому мила)
Пожелаю тебе счастья.
Что ещё я могу желать?

ЧЕТВЕРОСТИШИЕ N1

По веткам прыгают синицы.
На речке зеленеет лёд.
Измену ветреной девицы
Разумный муж переживёт.

**ПРОЧКЕ С ДЕВИЧЬЕЙ ФАМИЛИЕЙ
«ПОЛОСУХИНА»**

Я не знаю, под каким
цветом
тихо канут дни мои
в Лету.

Но темна и холодна
тьень их:
Без тебя я будто без
денег.

Нету повода стонать,
охать.
Я живу совсем не так
плохо.

Но грустит порой моя
лира:
Не хватает мне тебя,
Ира!

**ЧЕТВЕРОСТИШИЕ ВСЛЕД
ЛЮДМИЛЕ ЖИЛИНОЙ**

Какие девочки гуляли!
Какие ландыши цвели!
Какие годы миновали!
Какие бабушки пошли!

САМАЯ ПОСЛЕДНЯЯ...

Да, чудесные есть творенья
и прекраснейшие созданья.
Им отыскивает сравненья
восхищенное ими сознание.

Но встречается несравненное,
Как бы выхваченное из вечности,
Абсолютное и совершенное,
То, что сравнивать просто не с чем.

...Шли бои по прекрасной Елене
(с неизвестными, впрочем, данными).
Но и всей остальной вселенной
Не сравниться с внучкою Анною.

Маргарита Петрова

БЕСАМЕ МУЧО

Рассказ

Вот уж поистине, как чёрт из табакерки, выскочила эта фотография на её страничке в «Одноклассниках». Со снимка смотрел совсем незнакомый мужчина с такой знакомой и довольно редкой фамилией. Неужели тот самый Саша? Не узнала бы, встретить на улице.

Когда же это было? Ах, да! Есть удостоверение! Вот оно, выдано Всесоюзным институтом повышения квалификации работников печати. А даты? Ага, вот: со 2 по 29 апреля 1987 года...

Весна? Да, это была весна. Какая была весна!

В маленьком кабинетике Елизавета достала из сумочки документы для регистрации. Дама, принявшая их, задавала необходимые вопросы. Машинально отвечая, Лиза чувствовала на себе чей-то пристальный взгляд, заставлявший спину тревожно напрячься: опасность. Закончив дела, повернулась. И к ней навстречу, не давая и секунды, чтобы выразить возмущение или недоумение такому настырному вниманию, сразу же двинулся он. Броский, высокий, поджарый, даже худой. «Симпатичная жердь», – мелькнуло у неё.

– Александр, – протянул он руку с обезоруживающей улыбкой, – а у вас имя хорошее, как у моей первой жены.

С той минуты он не отходил больше. Вернее, отходил по необходимости: назначенные иногда в разных аудиториях занятия, прочие мелкие нужды, сон, наконец. В любом месте, куда бы она ни направлялась, он оказывался рядом. Вырастал, как из-под земли, с неизменной своей улыбкой.

Вначале её это раздражало. В командировку просто рвалась: во-первых, в отличие от обычных ежегодных курсов в областном центре, это была Москва, что само по себе много значило; во-вторых, семейные дела находились в предразводном состоянии, вернее, семья как таковая уже не существовала, оставались запись в документах и пока ещё общая крыша. В таком душевном состоянии ей, серьёзно относящейся к жизни вообще и к случайным знакомствам в частности, было совсем не до флирта. Хотелось бродить среди незнакомых людей, смакуя одиночество в толпе, по столице, которую мало знала, открывать свои дороги и любимые места.

Но его прямота и искренность обезоруживали. Исподволь узнала, что он недавно женат во второй раз. Первую жену, ту самую Елизавету, любил без памяти, но простить не мог измены («она от меня сгуляла»). Вторая жена случилась потому, что надо же было куда-то уходить, к тому же быстро наметился ребёнок. («У меня культ сына»). Сыну на тот момент шёл второй год.

Среди сокурсников Александр считался фигурой перспективной: выпускник журфака МГУ, ответсекретарь хоть и районной, но крупной заполярной газеты, автор собственной книги рассказов и готового к выпуску стихотворного сборника, участник недавнего Всесоюзного совещания молодых писателей. Сокурсницы делали всё, чтобы быть им замеченными: затевали разговоры, безрезультатно приглашали в гости, занимали очереди в столовой. А он, вставая в занятую какой-то из расторопных поклонниц очередь, тут же разыскивал Елизавету и ставил её впереди себя. При этом успевал умно балагурить, читал вслух свои стихи о том, как «однажды на склоне дня» и чего-то там ещё «красивая голая баба зарежет в постели меня», с высоты своего роста щекотно дул за ворот её водолазки, смущая её и явно раздражая прочих поклонниц.

Она не успела понять, когда его присутствие стало необходимостью. Дни были интересны и наполнены. Он, знавший Москву по студенческим временам, знакомил её с дорогими сердцу сокровенными уголками.

И весна творила свои чудеса. Просыпались и спешили заявить о себе тонкие волнующие запахи то ли травы, то ли вскрывшихся ручьёв, неизвестно откуда берущиеся в этом урбанистическом пространстве. Пальто, как и души, всё чаще бывали нараспашку. Александр, нет, теперь уже Саша, отыскивал всё новые старые места, радостно возвращая своё прошлое.

(продолжение на стр.8).

(начало на стр. 7).

– Ах, Лисичка, какая скамеечка стояла раньше у того дерева! – и смотрел на Лизу так, будто она могла помнить эту скамеечку.

Порой ей казалось, что настойчивый интерес к ней на самом деле – зигзаги его памяти. Иногда ловила себя на мысли, что играет чужую роль. Но, как ни странно, ей это нравилось. Побывать той Елизаветой, утончённой скрипачкой, студенткой консерватории, существовавшей в его выдуманном пространстве – а почему бы и нет?

Всё чаще и самозабвеннее напевал он своё «Бесаме, бесаме мучо...». Это была и её любимая мелодия. Страстная и трагически возвышенная одновременно. Лиза не знала точного перевода текста: то ли «целуй меня крепче», то ли «поцелуй, как в последний раз», то ли «целуй меня снова и снова». Ей больше нравился второй вариант. Да и не важны были здесь слова, мелодия погружала во что-то щемяще яркое, чего невысказанно хотелось и что невысказанно же страшило. Как на краю обрыва.

– Давай вместе, – иногда приглашал он, – и раз-два-три...

И Лиза, не имея ни слуха, ни голоса, обладая лишь способностью подражать, присоединялась. «Бесаме мучо» звучало и в гулких немногочисленных ещё скверах, и в тихих улочках, заканчиваясь либо весёлым смехом, либо импровизированным танцем. Но поцелуем, к которому призывала песня, – ни разу. Однажды, в азарте танца, он припал было к её губам, и тут же отпрянул, прошептав в своей обычной шутиливой манере:

– Нет, я не хочу быть троежёнцем.

– С моей стороны тебе ничего не угрожает, – в тон ему отвечала Лиза, – я не ем и даже не соблазняю глупых больших женатых мальчиков. Я их только привораживаю.

– Можешь не стараться. Я приворожился к тебе намертво, кажется, ещё в прошлом столетии. Мы ведь с тобой ненормальные, правда?

– Ненормальные, – соглашалась она уже серьёзно, – но это ничего не значит.

За четыре дня до отъезда, а это была суббота, Саша потянул её на птичий рынок. Давно заговаривал о том, и Елизавета чувствовала, что он приберегает именно это чем-то особенно дорогое для его памяти место.

Он был в совершенном ударе. Выбирал и напропалую торговался за какую-то старую шкатулку или живую курицу, кролика или ещё что-то. Сбивал до самого низкого предела цену и уходил, отказываясь. На самом деле ничего им здесь было не нужно: денег не было, да и девать выторгованное некуда.

Елизавета, вначале равнодушная к происходящему, тоже загорелась, принимая участие в спектакле. Болтались по рынку часа два. День был ветреным, и скоро лицедеи застучали зубами.

– В кафешку бы какую, – жалобно попросилась Лиза.

Он, посмотрев на неё долго и серьёзно, вдруг предложил:

– А давай к моему старому приятелю.

Ей бы хотелось избежать такой встречи. Одно дело – играть в прошлое, и совсем другое – предстать пред очи свидетеля этого прошлого. Но, взглянув на его посерьёзневшее лицо, согласилась. Ведь не к бывшей жене идут.

Приятеля дома не оказалось. Зато в Сашином кармане быстро нашёлся ключ от квартиры. Это теперь, годы спустя, оторопев от выплывшей неожиданно фотографии, прокручивая против своей воли в памяти то старое кино, поняла вдруг, что возможно, Александром так всё было и задумано. Тогда же она обрадовалась: слава богу, не надо тянуться и тужиться перед кем-то.

Горячий душ после знобкой погоды. Весёлый хохот по поводу найденных Сашей махровых хозяйских халатов не по размеру – ему забавно короток, ей – забавно широк и длинен. И вместе с тем – растущее напряжение, постепенно меняющее истинное веселье на нарочитое. Его посерьёзневшее лицо, её торопливые попытки приготовить какое-то подобие обеда, чтобы чем-то себя занять, из выложенных им на стол продуктов. («Откуда? Принёс с собой? Заготовил заранее? Ладно, потом разберёмся»).

(продолжение на стр. 9).

(начало на стр. 7-8).

Подавая из стоявшего позади пакета пучок зелени через Лизино плечо, он, не желая того, как потом уверял, («а так ли?») чуть коснулся губами её шеи у кромки волос. И замки сорвало. И полетели к чёрту запреты, существующие в реальности и придуманные ими, весь месяц остерегающимися пораниться ещё раз. И не то зазвенели струны мексиканской гитары, не то запел и заплакал тревожный саксофон. Нет, зазвенел воздух: «Бесаме, бесаме мучо...».

Потом, вернувшись в этот мир, приходя в себя и пытаясь определить место своего положения в пространстве, он в недоумении повторял:

– Нам снесло крыши... Разом обоим... И что теперь?

А она молчала и слушала прекрасную музыку, звучащую вокруг и внутри. И знала точно, что всё уже закончилось. Здесь и сейчас. Потому что взмывать в небо или падать в пропасть (что едино, главное – ощущение полёта, рождающего музыку) можно только один раз. И то, если повезёт.

В электричке молчали. Ей было понятно, что продолжение невозможно. По крайней мере, сейчас. Иначе история обернётся для него банальным адюльтерчиком, для неё – пошленькой интрижкой.

Наверное, это понял и Александр, потому что, со слов соседа по комнате, уехал на два дня к какой-то родне под Тулу.

– Хорошо придумал, – решила Лиза, – ещё один день, несколько тёплых слов на прощанье, и прекрасная музыка воспоминаний. И надежда – а вдруг когда-нибудь?

Но в ночь накануне отъезда он почему-то постучался. А она, твёрдо зная, что этого делать нельзя, почему-то открыла двери. И всё навсегда было испорчено. Неловко, впопыхах. Стыдливое прощанье. Умолкшая музыка. Желание всё скорее забыть.

И вот через 26 лет он «гостем» появился в сети. Какими судьбами? Заходил дважды. Значит, хотел узнать о ней. Что смотрел и что увидел? Пробежалась по своим фотографиям с различных творческих тусовок, которыми раньше гордилась (вполне ещё ничего себе). Сейчас застеснялась их: разве это та Лиза, какую он ищет.

А что у него? Шутливые, в его стиле, подписи под снимками. На первый взгляд, вполне успешен. Редактор в каком-то издательстве. Тула? Кажется, там у него были родственники. Три книги. И только? Альбом с недавней свадьбы. Сына? Нет, собственной. Значит, всё-таки троюнец. Модный, почти молодёжный прикид. А, понятно, невеста на 22 года моложе. Новый способ найти путь в прошлое?

Помедлив секунду, закрыла страничку, записав «гостя» в нежелательные персоны. Зачем? Это уже, как говорится, другая история.

Но давняя та мелодия настойчиво пробивалась в памяти из прошлого уже века. И Лиза дала ей волю. Благо был союзник, компьютер. Кликнула мышкой, и: «Бесаме, бесаме мучо...»

Консуэло Веласкес. Откуда эта шестнадцатилетняя мексиканская девочка, написавшая свою песню ещё в 1941 году, могла знать Лизину, тайну? Но она точно знала её и понимала, как никто другой, почему всё было именно так. Лизе представилось, что каждый, кто исполнял или, слушая, самозабвенно отдавался этой страстной и печальной, грешной и возвышенной мелодии, чувствовал или переживал что-то похожее.

Кто только не исполнял её! Битлз, Робертино Лоретти, Шарль Азнавур и Эдит Пиаф, Людмила Гурченко и Николай Басков. Около четырехсот исполнителей за 73 года существования.

Марафон одной песни длился в Лизиной квартирке около двух часов. Ночевать она отправилась в старенький мамин домик на берегу. Потянуло. Протопив наскоро печь, Лиза погасила свет и, удобно устроившись на старинной перине, стала слушать ночные звуки. Саксофоном то высоко всплакивал, то страстно глухим басом что-то шептал ветер, почти гитарные переборы по оконному стеклу включал в эту песню дождь. И шумели деревья, и звучала река, добавляя своё: «Бесаме, бесаме мучо...».

- Хранится в памяти моей...

ЗАПАХИ ДЕТСТВА

Образное восприятие мира мешает мне сохранять в памяти точные даты, строгую последовательность событий, порой приукрашивает истинный их смысл, но зато воскрешает прошлое в ярких, пусть и разрозненных, картинках, звуках, запахах. Ещё на дворе конец февраля, а я уже улавливаю в воздухе запах талой воды. Потому что это запах моего детства. И мысленно – я там, у белого двухэтажного дома...

Мы с бабушкой Дарьей выходим гулять: я – с неизменной лопаткой в руках, баба Даша – в своём тёмно-синем зимнем пальто с чёрным воротником (оно у нас долго висело в стенном шкафу после смерти бабушки) и коричневом шерстяном платке с кистями. Кругом снег, ещё холодно, но уже что-то тревожно и сладко дрогнуло в воздухе. Тогда, конечно, я не умела словами выразить свои ощущения, но в душе рождалось предчувствие чего-то необыкновенного, загадочного и радостного. (Став взрослой, я читала письма Чехова и в одном из них вдруг нашла описание того давнего ощущения: «Уже чувствуется весна, но запах её не в носу, а где-то между животом и грудью. В душе»). А чудо было рядом – в глубине, в самой середине большого сугроба, который я раскопала лопаткой. Там, в синей холодной тьме, весело журча, бил крошечный ручеек-фонтанчик. С него начиналась весна!

Много-много лет спустя мы с Артёмом, моим сыном, гуляли за городом, брели по заснеженной железнодорожной насыпи вдоль реки. День был солнечный, тихий, только попискивали какие-то птички, да иногда «взбрёхивали» потревоженные нашим приближением деревенские собаки... И вдруг в эту привычную для уха мелодию вплелись иные звуки... «Тёма, где-то ручеек течёт», - предположила я. «Мам, ну какой ручеек? На речке лёд, кругом снег», - отвечал мне рассудительный сын. Но разве я могла успокоиться?! Мы всё же нашли ручеек-невидимку! Конечно же, он был в сугробе, в самой его середине. На моего не склонного к сентиментальности ребёнка это интересное явление природы особого впечатления не произвело. А я... Я ничего ему не стала говорить. Расскажу, когда придёт время.

Есть ещё один запах, который возвращает меня в детство. Это запах новых книг. Отец мой очень любил читать (эту страсть к чтению унаследовала и я), неустанно приобретал подписные издания для домашней библиотеки. Когда он приносил очередной том, обязательно листал его, а я, «прилепясь» сбоку, смотрела, как он бережно перелистывает странички, слушала, как хвалит писателя, и вдыхала неповторимый запах типографской краски. Сейчас книги или не пахнут, или пахнут, но совсем не так. Их печатают офсетным способом, иным, чем раньше шрифтом, вдобавок допускают ошибки.

Для меня отец выписывал Детскую энциклопедию – толстые тома в яркой оранжевой обложке до сих пор стоят в моём книжном шкафу. Большую Советскую энциклопедию, которая всегда вызывала у меня почтение, открываю по надобности и сейчас. Кстати, академические издания пахли по-другому, чем обычные книги. Тогда я очень боялась рассматривать первый том энциклопедии на букву «А». В нём содержалась статья об анатомии человека с цветными иллюстрациями. Их пятилетняя девочка старалась поскорее закрыть. Бабушка же читала романы. Читать она научилась лет в сорок, а была неграмотная. По слогам, шёпотом, следя бумажной закладкой по строчкам, она прочитала много книжек. Помню, что вытаскивала для неё из шкафа книги Эмиля Золя. Тогда они у меня интереса не вызывали, а позднее перечитала у этого писателя почти всё.

Наш дом, в котором прошло моё раннее детство, стоял на берегу реки Межи (впадает в р. Западная Двина). По реке тогда сплавляли брёвна, их вытаскивали баграми из воды, грузили в вагоны или складывали штабелями на берегу. Здесь же была построена лесопилка. Постукивали на стыках узкоколейки вагонетки, посвистывал паровоз, тянущий по ветке железной дороги вагоны с лесом, пронзительно визжала циркулярная пила, переговаривались рабочие, занятые погрузкой брёвен... Всё это было неотъемлемой частью прекрасного мира, в котором пребывали мы, беззаботные ребяташки, поглощённые своими незатейливыми играми.

То, что осталось со мной на всю жизнь, это запах прелой коры и древесных опилок. Он, наверное, вошёл в мой организм где-то на клеточном уровне. Стоит мне где-нибудь учуять древесный запах, внутри всё замирает и сладко сжимается... И снова со мной - светлое, улыбочное лицо бабушки Дарьи, невозмутимо-спокойный друг детства Валерка Тимофеев, его бабушка Ариша; усыпанный щепками двор и дощатый тротуар, по которому мы носились после дождя босиком; сараи с хрюкающей и кудахтающей в них живностью, темнеющий за речкой лес и божественно-прекрасные закаты, описать которые - человеческих слов не хватит.

• Гости клуба

Валентина Никанорова

п. Пено

Потерялся куда-то день,
Закопался, наверно, в бумагах.
В них – и важное, и дребедень,
И кому-то все это надо...
А какая была заря!
Пламенело в экстазе небо.
Только день не увидела я
За добычей насущного хлеба.

Он стучался мне веткой в окно,
Залетал беспокойною птицей.
Я крутила чужое кино,
Я чужие листала страницы.
Не дождался мой день меня.
Он ушел и не смел возвратиться.
Безвозвратность вчерашнего дня –
Как в толпе незнакомые лица...

Убеждала себя и других:
Я рвану свой стоп-кран, когда надо.
Только сколько нас тут таких,
За награды и не за награды...
Наша жизнь – чехарда, суета.
Все проходит. Заботы. Тревоги.
Не успеть оглянуться назад...
Остановка... Конец дороги.

СОЛНЦЕ В ФОЛЬГЕ

Утки удирают на юга...
Слышишь, милый? Удирают утки!
А на нас идут, идут снега.
Нет в запасе ни одной минутки.

Лето закатилось в старый лес.
И пакует осень чемоданы.
Нам не стоит ждать от них чудес.
Пусть уходят, званы и не званы.

Нам зима пуховую постель
Приготовит и заварит чаю.
Разведу, как прежде, акварель –
Я свиданье музе назначаю.

У листвы я легкости займу,
Стати – у небес ширококрылых,
А в реки зеркальную фольгу
Солнце оберну, чтоб не остыло.

Небо в листьях, солнышко в фольге,
Вместе посмеемся новой шутке.
И отставим в сторону мольберт...
Только посмотри – вернулись утки!

Обожжет поцелуем лето,
По-английски уйдет незаметно.
Будет снова скитаться где-то,
Присылая приветы с ветром...

Посидим с тобой у камина,
Чай готов, есть баранки с тмином.
Вспомним лето – ушла с амином
Алопарусная бригантина...

За окошком царит ненастье.
Тем дорожке хрупкое счастье,
Что дарили закаты лета.
Посидим с тобой... до рассвета...

ЛЕТНЕЕ ВРЕМЯ

Шел человек по городу,
Поглаживал отросшую бороду.
Торопился человек отчего-то,
Может, просто спешил на работу.

Он поглядывал прохожим на лица,
От которых хотелось напиться.
И стучали в голове молоточки –
Как по Морзе, всё тирешки да точки.

В длинных сумерках серо, уныло.
Вдруг под ложечкой что-то заныло.
До чего же это тяжкое бремя –
Жить зимою, когда летнее время...

ЛЕНИВОЕ

Поднять себя за шиворот непросто,
И не из-за комплекции и роста.
Когда вокруг всё как бы фиолетово,
Нисколько не страдаешь из-за этого.
Лежишь себе блаженно на диване
И ловишь кайф – ты ж, как-никак, в nirване...
Дела – не волки, в лес не убегут,
А я «скопытиться» от них вполне могу.

Не-е-е... Делу – время?! Кто ж его считал?
Не тешусь я. Я в мыслях – самосвал.
Телепортируюсь с дивана на карьер
И покажу трудоспособности пример.
Реинкарнируюсь, возможно, я в песок.
Что из того, что рейтинг не высок?
Зато всё время – делу, без потех.
Лежу – по делу. И чихать на всех.

• Дамы для Адамов
Татьяна Лапко
д. Курово – г. Великие Луки

* * *

Я б купила модное пальто,
И сменила б старую причёску,
И, возможно, поняла бы то,
Почему красивое не броско.
Почему приятнее слова
Тихие, в которых есть молитва.
Почему бываю я права,
Если уступаю поле битвы.

Наталья Шабанова

п. Чистая речка

Зацелованной хочу быть и любимой,
Безрассудной, беспробудной от любви.
Пусть прошедшее уже неповторимо,
Ты осеннюю любовь мне подари.

Листопад таких желаний не осудит,
Не остудит поздних чувств холодный дождь.
Ворожить и завораживать нас будет
Нежный шёпот обнажившихся берёз.

Горький привкус догорающей калины
По морозцу слаще мёда на губах.
Ах, осенняя любовь, ты так незримо
Ввысь уносишь на распавшихся крылах.

Зацелованной хочу быть и любимой,
Обогретой и оттаявшей. Поверь,
В моём сердце столько нежности и силы,
Что легко откроют запертую дверь.

Юлия Алексеева

п. Бологово

ВЫБОР

Декабрь. За окном плюс семь. Без снега.
Зимой не пахнет. Ветер и дожди.
Ты произнес: «Вот, быть погодой мне бы,
Не спрашивать, когда, куда придти!»

Ей можно всё: декабрь, январь – с дождями,
Сугробы в марте, а в апреле град,
Быть актуальной темой, новостями,
И наплевать: впопад или невпопад.

Ведь людям что? Им всё не слава Богу:
Хоть дождь, хоть снег – ругают все равно.
А у погоды есть своя дорога,
И ей плевать, что скажут про неё...»

– А, что тебе мешает быть таким же? –
Спросила я, спустя минуты две, –
Иди своей дорожкой по жизни
И управляй погодой в голове?

Дождей захочешь? То не трудно вовсе.
Весну зовёшь? Устрой её себе.
Ты в состоянии погрузиться в осень,
А можешь лето сотворить в душе!

Ты можешь всё! И кто тебя осудит?
Твоя рука, твой выбор, твоя жизнь
Куда важнее, чем смешные люди.
Дорогу выбрал – вектора держись!

Ты мне смотрел в глаза и, улыбаясь,
Ехидничал, как будто я глупа,
Всё тот же дождь стучал, не прекращая,
Как будто подтверждал мои слова...

Март наступил. Мороз. Сугробы. Ветер.
Бормочут люди, проклиная снег.
А мы с тобой идем в "гавайском" лете –
Сегодня мы с тобой счастливей всех!

Лариса Беляева

г. Нелидово

Я брела утомлённая
жаждой дальних дорог,
ни в кого не влюблённая.
Ты, как вестник тревог,
спутал тонкие линии
моих верных путей
и желанья невинные
раскалил до страстей.
Под мелодии вечера
в нежный танец увлёл.
Я была так доверчива
и свежа, как цветок.
Ко всему в довершение
мне бокал преподнёс
ядовитый и терпкий
с ароматами роз.
И я с жадностью выпила
без галантных манер.
Назывался напиток тот
роковой адюльтер.

Владимир Юринов

На картах не значит

Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта

Из всех офицеров эскадрильи с переменным составом я контактировал теснее всех, поскольку, с одной стороны, был секретарём комсомольской организации (а многие сыны степей и гор оказывались, как это ни странно, комсомольцами!), а с другой стороны, я вёл у солдат политзанятия.

Существовало такое явление в те интересные времена. Весь личный состав Вооружённых Сил был охвачен системой политической учёбы. У офицеров это была марксистско-ленинская подготовка, у срочной службы – политзанятия. На политзанятиях рядовой и сержантский состав, помимо текущего политического момента, должен был знакомиться с политикой партии и советского правительства, а также вдумчиво изучать материалы партсъездов, пленумов и труды классиков марксизма-ленинизма.

Проведение политзанятий в системе марксистско-ленинской учёбы требовало ведения слушателями конспектов. Представляете? Зафиксировать, к примеру, тезисы очередного Пленума ЦК КПСС в конспекте у человека, не только не знающего алфавита, но, более того, – с трудом понимающего русскую речь! Задача, сами понимаете, заведомо невыполнимая. Поэтому в часы занятий я просто тихо жужжал своим подопечным в уши, а накануне проверок садился дома к столу и – ночь напролёт – двадцатью разными почерками оформлял двадцать конспектов. Проверяющие всегда оставались довольны. Они умильно листали «солдатские» конспекты, не обращая никакого внимания на беспомощное бляение очередного моего слушателя, бесславно погибающего у доски или возле политической карты мира. Оценки по итогам проверок у меня всегда были положительными: конспекты были налицо, а к устным ответам моих подопечных проверяющие особо не придирались – они сами варились в этой системе и всё прекрасно понимали.

За шесть лет службы в Орловке через мою учебную группу прошли почти полторы сотни солдат. Но лица их слились для меня в один сплошной неразличимый фон. Лишь отдельные, наиболее выдающиеся, представители «зольдатенского» племени зацепились своими фамилиями за мою память.

Вспоминается, к примеру, некий рядовой Абдрагимов, «заблудившийся» однажды по дороге с аэродрома в казарму и две ночи ночевавший у своих земляков в кочегарке, в то время как весь полк, прекратив плановые полёты и отбросив все дела, двое суток перекапывал придорожные сугробы в поисках его замёрзшего трупца.

Или рядовой Джабарров, решивший однажды постирать свою гимнастёрку в бензине. Причём этот джигит захотел проделать весь постирочный процесс, не вынимая изо рта горящую сигарету. Результатом такого каскадёрства стал выгоревший угол казармы и десять месяцев, проведённых смекалистым рядовым в хирургическом отделении Хабаровского военного госпиталя.

Но больше остальных запомнился мне рядовой Рыгтынкау, незаурядная личность которого требует отдельного рассказа.

Рядовой Рыгтынкау был якут. Точнее – юкагир. Есть такая малочисленная народность в Якутии. Звали его для якута довольно нестандартно – Владлен, то есть сокращённо от Владимир Ленин. Для военнослужащего срочной службы Рыгтынкау был уже немолод – на момент призыва ему исполнилось двадцать два года. До армии Владлен успел закончить какой-то сельхозтехникум, кажется Олёкминский, по специальности «механик». Более того, Рыгтынкау был женат, и в далёком Олёкминском улусе у него подрастал сын. То есть, если, не глядя на самого рядового Рыгтынкау, просто ознакомиться с его личным делом, то создавалось полное впечатление того, что перед тобой человек сугубо положительный: взрослый, ответственный, владеющий востребованной профессией, да к тому же ещё и семейный. Это если на Рыгтынкау не смотреть. Но с первого же взгляда на этого сына юкагирского народа становилось понятным, что заочное знакомство было, мягко говоря, поверхностным.

У Рыгтынкау были две основные и неискоренимые черты: он всегда спал и он никогда не мылся.

Я не знаю, может, у этого оленевода-механизатора была водобоязнь или юкагирские шаманы наложили на мытьё своих соплеменников строжайшее табу, но заставить Рыгтынкау хотя бы помыть руки, не говоря уже о том, чтобы умыться, – было делом совершенно безнадёжным. Я в своё время слышал теорию о том, что, если грязь не смывать, то через сорок дней она начинает отваливаться сама, но наглядное подтверждение этой теории я увидел только в Орловке, в лице нашего Рыгтынкау.

(продолжение на стр.14).

(начало на стр. 13)

Спал же Владлен всегда. Он спал на занятиях и в наряде, он спал во время работ и между работами, он засыпал в столовой за столом, не говоря уже о том, что он исправно спал ночью. Было даже странно, что этот вечно спящий юкагир смог когда-то закончить техникум и, более того, сумел каким-то образом найти и догнать в тундре женщину, ставшую ему женой и родившую ему ребёнка. Впрочем, если жена его была такой же, как и он, неторопливой юкагиркой, всё становилось понятным. Размножаются же в конечном итоге ленивцы. Не говоря уже о стремительных черепахах.

Однажды Владлен уснул на полётах.

По просьбе техника самолёта, Рыгтынкау принёс ему из «высотки» какую-то безделицу и, пользуясь тем, что техник ненадолго отвлекся, коварно заполз в сложенные самолётные чехлы, где, совершенно естественно для себя, уснул. Он не проснулся, когда над его ухом гудел заруливший на стоянку после полёта самолёт. Он не проснулся, когда с чехлов стягивали лежавшие на них заглушки от воздухозаборников и когда перед следующим вылетом эти заглушки бросали обратно на чехлы. Он не проснулся даже тогда, когда над самым его ухом лётчик, выполняя предполётную проверку, газовал двигатель самолёта. А вот во время выруливания самолёта Владлену проснуться пришлось. Дело в том, что плиты на стоянке в этом месте слегка просели, и перед самолётом образовалась небольшая ступенька. Самолёт, выруливая, упёрся колесом в эту ступеньку, лётчик газанул и, после того, как самолёт, преодолев препятствие, выкатился со своего места, слегка запоздал с уборкой оборотов. Струя от реактивного двигателя разворачивающегося самолёта прошла по стоянке. Техник самолёта, наверное, очень удивился, когда вслед за судыми реактивной струёй заглушками и чехлами в воздух, растопырив ноги и руки, взлетел его, куда-то запропадившийся и тут так неожиданно нашедшийся, механик.

Когда Владлен не спал, он о чём-то молча и сосредоточенно думал. Поэтому отличить спящего Рыгтынкау от неспящего, с учётом особенностей разреза его юкагирских глаз, было задачей непростой. Я сам однажды имел возможность в этом убедиться.

После очередного полёта я шёл от самолёта к «высотке». На краю рулётки я увидел Рыгтынкау, стоящего с тормозным парашютом на плече. Механик то ли спал, то ли задумчиво смотрел вдаль. Я тронул его за плечо.

– Эй, Владлен, очнись! Ты чего тут стоишь?

Рыгтынкау «проснулся».

– Техник, однако, на «высотка» послал.

– Ну пошли... «на высотка».

Рыгтынкау послушно снялся с места и засеменял рядом. Метров через двадцать меня вдруг осенило.

– Слушай, а за чем он тебя послал?

– Тормозной парашют брать, однако.

Я остановился.

– Владлен, а на плече у тебя что?

Юкагир посмотрел на лежащий на его плече парашют так, как будто видел его первый раз в жизни.

– Парашют... однако.

– Ну! – теряя терпение, воскликнул я.

– Так я, однако, пошёл? – спокойно спросил меня Владлен.

– Однако, иди! – мне захотелось дать невозмутимому юкагиру пинка для ускорения.

Рыгтынкау развернулся и неторопливо двинулся в обратную сторону – к самолётам.

Дойдя до «высотки», я оглянулся. На краю рулётки с парашютом на плече стоял Владлен и то ли спал, то ли задумчиво смотрел вдаль...

Впрочем, самый большой сюрприз Рыгтынкау преподнёс нам через год после своего прибытия в часть.

Как-то Владлен подошёл ко мне после окончания очередных политзанятий.

– Товарищ лейтенант, моя в прапорщики хочет.

– Что?! – изумился я. – Какие ещё прапорщики?!..

Оказалось, что Рыгтынкау где-то услышал, что в Хабаровске производится набор в школу прапорщиков, и решил круто изменить свою жизнь. Я попытался отговорить чумазого задумчивого юкагира от опрометчивого поступка, но Владлен на уговоры не поддавался, и я был вынужден отвести его к командиру эскадрильи.

Комэска, к моему удивлению, наоборот, за эту странную идею ухватился.

(продолжение на стр. 15).

(начало на стр.13-14).

– Пойми, – объяснил он мне свой замысел после того, как за Рыгтынкау закрылась дверь, – нам лишь бы отправить его отсюда. Куда-нибудь подальше. В Хабаровск? Хорошо, пусть будет Хабаровск. Надоел он мне здесь хуже горькой редьки! Того и гляди, где-нибудь прямо на дороге уснёт – попадёт под колёса. Оно нам надо? А так пусть с этим жемчугом драгоценным кто-нибудь другой целуется.

– Так ведь не примут же его! – попытался спорить я.

– Примут! – веско заявил Земляков. – Я ему ТАКУЮ характеристику напишу – его в академию генштаба примут, а не то что в школу прапорщиков...

Дело закрутилось. Владлену написали достойную героя Советского Союза характеристику, оформили документы и отвезли в Хабаровск. Комэска лично инструктировал сопровождавшего Рыгтынкау офицера и даже выделил из стратегических эскадрильских запасов десять литров чистого, как слеза, спирта-ректификата – на представительские нужды.

– С юкагиром не возвращайся! – по-отечески строго напутствовал он сопровождающего. – Обоих пристрелю...

Самое интересное, что спирт даже не понадобился. В школе прапорщиков в том году был жестокий недобор, и Рыгтынкау приняли с распостёртыми объятиями. Тем более с такой характеристикой! Владлена вычеркнули из эскадрильских списков, и начальство вздохнуло с облегчением. Как оказалось – рано. Ровно через шесть месяцев, в один из безрадостных дней, дверь в эскадрильский штабок с треском распахнулась и в помещение вбежал запыхавшийся замполит эскадрильи майор Бахур. Лица на замполите не было.

– Там!.. Там!.. – тыкал он себе за спину пальцем и разве что не крестился.

Следом в помещение не спеша вошёл Владлен Рыгтынкау собственной персоной – всё такой же неумытый, но уже в новенькой форме прапорщика и, отдав обомлевшим офицерам честь, спокойно представился:

– Прапорщик Рыгтынкау. Прибыл на новый место служба.

– Однако... – только и смог промолвить поражённый этим явлением командир.

Своего лица я не видел, но у остальных присутствующих был такой вид, как будто они узрели перед собой русалку, и не просто русалку, а русалку, севшую на «шпагат». В общем, картина Репина «Не ждали».

Все присутствующие ясно понимали, что рядовой Рыгтынкау – это, конечно, беда, но прапорщик Рыгтынкау – это уже, пожалуй, трагедия. Прапорщика Рыгтынкау надо было ставить на должность. Прапорщику Рыгтынкау надо было доверять личное оружие. Наконец, прапорщику Рыгтынкау надо было давать жильё. И не просто жильё, а квартиру, ибо где-то в далёком Олёкминском улусе этого жилья ждала его жена, причём не одна, а с ребёнком. Следовательно, давать новоиспечённому хорунжему надо было двухкомнатную квартиру. А теперь подумайте – как доверить вечно спящему человеку оружие?! И как доверить квартиру человеку, который никогда не моется?!

Но недаром наш комэска слыл мудрым человеком. Выход был найден! В это время в Орловке как раз формировался новый полк – 216-й истребительный, и мечтательный юкагир после нескольких безуспешных попыток был всё-таки сбагрен в одну из эскадрилий этого полка. Вот когда пригодилась заветная канистра со спиртом-ректификатом!

В заключение следует добавить, что недели через две к Землякову приходил новый командир нашего оленевода-механизатора и, грязно ругаясь, требовал забрать «своего недоделанного Рыгтынкау» назад, мотивируя это тем, что мы якобы утаили многие важные аспекты, касающиеся этого «продукта позднего аборта». Однако наш комэска остался непоколебим: сделка совершена, назад дороги нет, как говорится – «умерла так умерла!». Видя, что шантажом и угрозами ничего не добьёшься, визитёр сменил тактику и предложил за юкагира, в довесок к нашей канистре, ещё любое разумное количество авиационного спирта. «У вас столько спирта в полку нет!» – заявил на это Земляков, и «счастливый» обладатель неумытого прапорщика ушёл, как говорится, «солнцем палимый».

Ещё в течение нескольких месяцев Владлен время от времени попадался нам на аэродроме в позах, соответствующих разным степеням задумчивости, но вскоре 216-й полк перебросили под Хабаровск, и мы потеряли из виду нашего чумазого «крестника».

(продолжение следует).

ВНИМАНИЕ: КОНКУРС!
«ЛЮБОВЬ-МОРКОВЬ»

Напоминаем, что условия конкурса опубликованы в «Светлячке» №9(30) за сентябрь 2013 года. Прочесть нашу газету вы можете, набрав в поисковой строке: литературно-краеведческая газета «Светлячок».

Светлана Миронова

п. Пено

У нас очередное развлечение:
 Стихотворенье нужно написать,
 И в «Светлячок» отправить,
 И с волнением
 Собратьев по перу оценок ждать...
 К столу присела, чистый лист достала.
 Погрызла ручку, не стыдясь манер...
 Теории одной, как видно, мало,
 Чтоб про «любовь-морковь»
 Создать шедевр.
 Не озаряет... Только размышленья.
 Дай запишу (хоть их-то не забыть!)
 Терзает душу смутное сомненье:
 А вдруг могу лишь родину любить?!
 Старую, видно - память отказала,
 Избиты рифмы, и оглох Пегас.
 А ведь, бывало, от любви страдала,
 О ней писала сходу, слёту, враз!
 Потратив битый час, сижу, вздыхаю...
 Вдруг голос мужа слышу за спиной:
 «Супруга, где же совесть? Голодаю!
 Вернись в реальность, долг исполни свой!
 Суп довари, осталось ведь немножко...
 Любовь любовью, а обед сготовь!
 Я сам уже бульон сварил с картошкой,
 Зажарь заправку, я натёр морковь!»

Маргарита Петрова

г. Андреаполь

НУ, ДЕЛА!

Внук мой Ванька отбился от дела.
 От безделья так похоть и прёт.
 Чтобы с Люськой беды не наделал,
 Я отправил его в огород.

Думал, труд превратит в человека,
 О дурном позабудет нахал.
 Кто б подобное мог докумекать,
 Что он здесь, в бороздах, вытворял.

И копирует овощ, зараза,
 Ванькин с Люськой любовный запал,
 Будто я не навозом, импазой*
 В этот год огород удобрял.

Не иначе учил Камасутре
 Ванька Люську в морковных грядках.
 Я морковку копал нынче утром,
 Насмотрелся такого, что страх.

Показать вам всего я не смею,
 Закипает и старая кровь.
 Перед парочкой этой немею –
 Настоящая, видно, любовь.

*импаза – лекарство для повышения мужской потенции

Работы присылать в электронном варианте по адресу: andkniga@andreapol.tver.ru

или присылайте рукописи по адресу:

г. Андреаполь, пл. Ленина, д. 1;

или приносите в районную библиотеку.

Александр Кучеров

г. Зеленоград

В ДЕНЬ ВЛЮБЛЁННЫХ
 Странная была картина:
 В день Святого Валентина
 Я набрался, как скотина.
 Ты прости уж, Валентина.
 Шёл к тебе... Проснулся – Нина.
 ... Славная была путина!
 То ли мутная вода
 Завела меня туда?
 ... Пить – не буду никогда.
 Или, может, иногда,
 Но не в ближние года.
 ... Буду верен, как всегда.
 Думаю, без карантина
 Обойдётся мне путина
 В день Святого Валентина.

.....
 Дай три дня мне, Валентина...